

Д.А. КОЛЕВАТЫХ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОРДЕР И ЛЮДИ. ТРАЙБАЛИЗМ И СРЕДОВАЯ ЗАМКНУТОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

Статья посвящена выявлению причин, влияющих на формирование облика «современного российского архитектурно-пространственного ордера». Отмечены особенности адаптации россиян к нему в повседневной жизни. Рассматриваются особенности организации, формирования и взаимодействия современных «ордерных групп» с городом и между собой, а также описана характерная симптоматика и введены новые термины в исследуемой области. В статье приведены краткие выводы и сопровождающий иллюстративный материал.

Ключевые слова: архитектурный ордер, трибализм, люди, город, Россия, импорт, трансформация опыта, симптоматика, процессы

Вступление. Ордер – от лат. *Ordo* – ряд, порядок. Повседневное движение сквозь пространство города провоцирует столкновения человека с городскими архитектурно-пространственными объектами. Наиболее посещаемые встраиваются в ежедневный порядок человека и отражаются на его восприятии города в целом, исходя из маршрутизации его движения. Количественное соотношение данных объектов в ежедневном наборе каждого жителя города формирует его личную «ордерную группу», которую он представляет. Можем ли мы утверждать, что в контексте современных городов России представители «ордерных групп» создают новые объектные модели, которыми насыщают и развивают городское пространство, отражая в этом феномен русской самобытности?

Населяющие города люди не являются идентичным отражением друг друга, городской «социальный рельеф» представлен всегда людьми, принадлежащими к разным группам, классам и объединениям, выраженным по определённым признакам. Российские города – не исключение. В широком смысле этого слова. При более детальном анализе современной городской социальной структуризации мы можем понять, что современное городское общество в России имеет довольно самобытный характер. В нём прослеживаются типичные социальные образы, давно известные истории, но лишь с поправкой на контекстно-временной период происходящего, менталитет и способ адаптироваться к новым тенденциям, а также возникающим извне концепциям. Ни для кого не секрет, что Россия является в большей степени импортёром образцов, чем экспортёром. Пожалуй, самый яркий пример подобного «импорта», к которому адаптировалась Россия, – это христианство, пришедшее из Византии, которое с 988 г. до сегодняшнего времени

The article deals with the revealing of the factors affecting the creation of the image of «modern Russian architectural order». The features of Russians adaptation to this image in everyday life are described. Characteristic properties of organization, formation and interaction of modern «order groups» with city and between each other are viewed, characteristic symptoms are described and new terms in this field of study are introduced. The paper is followed by summary and illustrations.

Keywords: architectural order, tribalism, people, city, Russia, import, experience transformation, symptoms, processes

является одной из составляющих самоопределения русской художественной целостности и русского мира в целом [1]. Этот долгий исторический путь, который прошла русская культура, наполнен легкоузнаваемыми символами, которые возвращаются к нам в разных исторических аспектах. Но тем не менее современная русская жизнь не является оторванной от своего прошлого, скорее она пытается стать «новой» и «пересмысленной», сохранив исторически сложившиеся устои. Разрываемая между двух огней, она пытается доказать всем, и в первую очередь себе, что у неё есть будущее, в котором воплотится самый позитивный опыт, накопленный за всё историческое время, а ошибки и недочёты будут исправлены и ни в коем случае не повторятся.

Период формирования «ордерных групп» в современной России. История современной России начинается с некоторого экономического переформатирования периода начала 1990-х гг. Как было упомянуто выше, Россия, по своему определению вполне лояльно относящаяся к импорту образцов и концепциям извне, после падения «железного занавеса» становится наводнена западными прототипами культуры и идеями, которые до этого искусственно сдерживались Советским Союзом. В результате экономической нестабильности российское общество было вынуждено переживать непростые времена. Иными словами, общество ещё не могло полноценно подражать новому западному уровню жизни и встроиться в новую парадигму современного мира, который теперь был открыт для всех. Однако желание и пассионарность российских граждан стать преемниками трендовых течений брали своё [2]. Самые активные трендсеттеры той эпохи создавали новые архетипические формы, которые транслировались всеми возможными

способами, зачастую формируя новые субкультурные течения и слои. Парадоксально, но, возможно, сами того не замечая, жители молодой федерации, не имея средств и ресурсов для приобретения оригинальных «атрибутов» западной культуры, были вынуждены искать альтернативные способы для их производства. Создание этих способов и дало возможность самовыразиться обществу, тем самым адаптировать вновь прибывшие западные «идеи» в российскую жизнь, наполнив их локальным, личным опытом и смыслом. Путь, который проходили «идеи» и «концепции» от своего импортирования в общественное сознание до реализации и обретения воплощения в российском архитектурно-пространственном эквиваленте, можно условно разделить на три этапа. Первый этап включал в себя трансляцию опыта и инновационных образов в общественное сознание. На втором этапе происходило адаптирование и функциональное переформатирование имеющегося пространства, которое унаследовала Российская Федерация от Советского Союза в попытке реализовать «новые идеи» в нём (рис. 1). Третий этап представлял собой создание новых городских пространств и объектов, так как в условиях экономического роста и расширения зон влияния «концепций» прежнее пространство не позволяло существующим «идеям» полноценно реализовываться и развиваться. Автор статьи считает необходимым отметить некоторые ключевые причины, предшествующие формированию «ордерных групп» в Российской Федерации. Основным катализатором для них явился сильнейший социально-экономический разрыв внутри общества в начале 90-х гг. прошлого века [3]. Нельзя не упомянуть о дополнительных факторах, повлиявших на художественный образ «ордерных групп», а именно: образование волны криминализации общества [4,5], роста беспризорности среди детей и подростков [6], политики милитаризации [7] и всепроникающей свободы слова и самовыражения на фоне абсолютной предоставленности людей самим себе [8]. Пытаясь увидеть всю картинку в целом, мы можем утверждать: что в историческом аспекте очередная волна западноевропейских образцов накрыла молодую Россию в конце XX в., вдохновив практически всё общество, которое не было экономически к этому готово, а классовое неравенство, помноженное на внутрисоциальные и политические проблемы, лишь ужесточило конкуренцию между людьми за право соответствовать только появившейся новой модели «жизни» [2]. Достоинно внимания то, что на первый взгляд разобщающие внутрисоциальные

процессы, вопреки всем предположениям, объединили людей, однако объединение это произошло по критериям возможности соответствовать статусу импортируемого «образа жизни», что и вылилось в формирование «ордерных групп» в современной России (рис. 2) [9].

Трайбализм в архитектуре. Названные выше обстоятельства спровоцировали феномен ордерного трайбализма, заставив представителей «ордерных групп» отстаивать своё право на уникальность через формирование аутентичных архетипов. Трайбализм (англ. tribalism, от лат. tribus – племя) – форма групповой обособленности, характеризующаяся внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам. Трайбализм изначально характеризовал систему первобытных, неразвитых обществ, позднее понятие расширилось и приобрело новые направления [10]. Транслируемая новая модель «жизни» включала в себя несколько более конкретных понятий, которые в той или иной степени объясняют причину, по которой она стала настолько популярной и привлекательной для граждан Российской Федерации, а именно: 1) новый стандарт уровня жизни и комфорта, 2) новые художественно-эстетические векторы понятия о «прекрасном», 3) новая экономическая философия (внедрение гедонистических взглядов в общественное сознание). Все эти факторы стимулировали в людях желание к перестраиванию своего образа жизни и трансформации своего места обитания [11,12]. Анализируя процессы, происходящие в масштабе всей страны и на всех уровнях, мы можем увидеть, что образные изменения касаются как индивидуума отдельно, так и пространственно-урбанистической составляющей в целом, одновременно отражаясь на общем облике городского дизайна (рис.3) [13,14]. Стоит отметить, что «городской дизайн» включает в себя совокупность разномасштабных деталей [15,16], которые определяют характер и целостность восприятия всего города [17,18]. В то же время отдельный человек не является внесистемным элементом, несчитываемым для городского пространства, а представляется физическим равноправным эквивалентом «ордерной системы», способным изменять его, равно как и побуждать других на идентичные действия [19-22]. Автору видится возможным провести аналогию и для наглядности сопоставить некоторые условные элементы из городской структурной иерархии с составными частицами из физики элементарных частиц (табл. 1).

Таблица 1

Условное сравнение физических составных частиц с элементами городской структурной иерархии

Составные городские элементы	Составные частицы в физике
Совокупность плоскостей и фактур города, «фактурное полотно города»	«Объект»
Район	Молекула
Квартал	Атом
Здания с его внутренними помещениями	Электроны / протоны
Человек как единица архитектурного ордера	Барions

Рис. 1. Переформатирование пространств под импортируемые концепции:
1 – компьютерные клубы; 2 – пиратские рынки; 3 – школы карате; 4 – подпольные рок-клубы

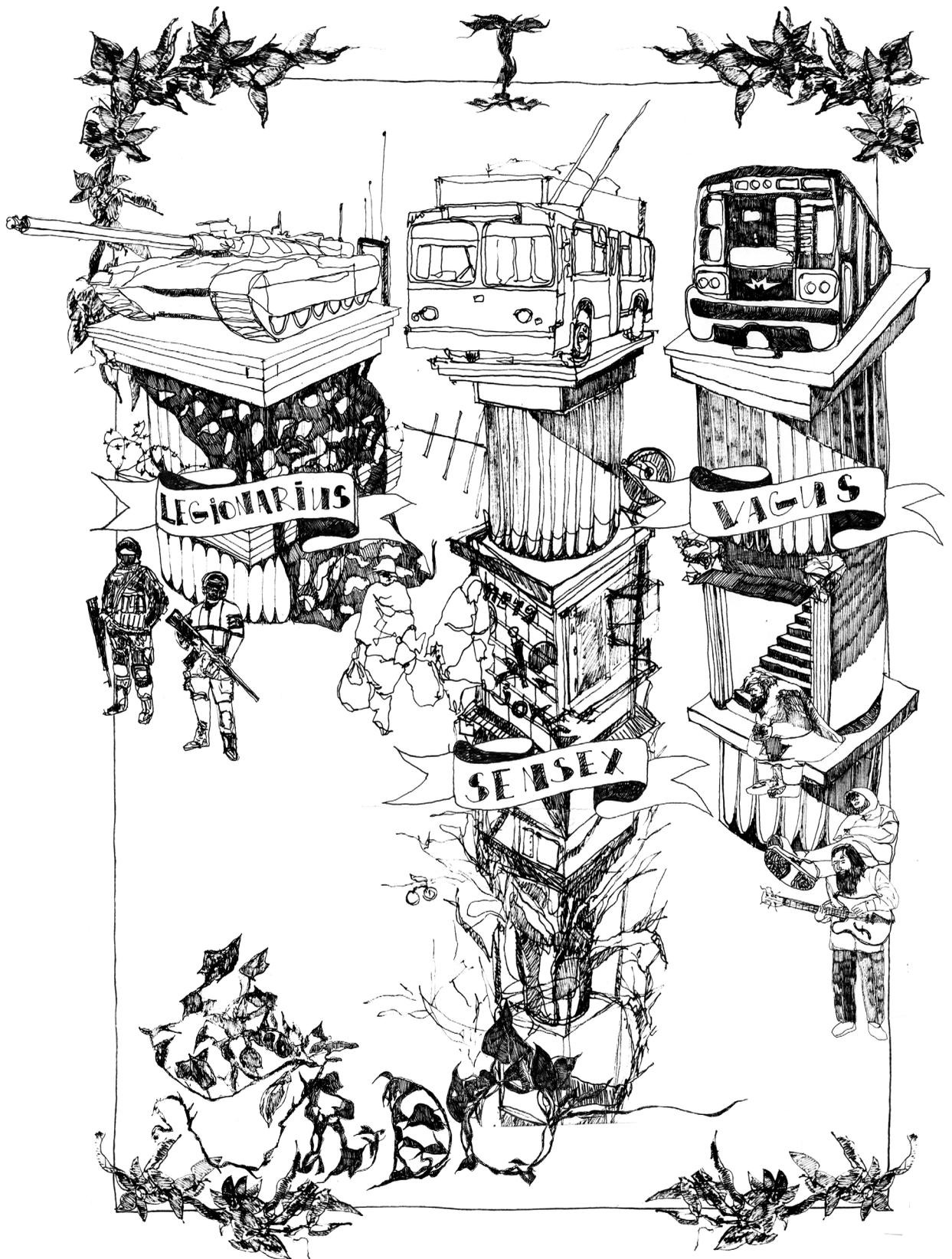

Рис.2. «Ордерные группы»

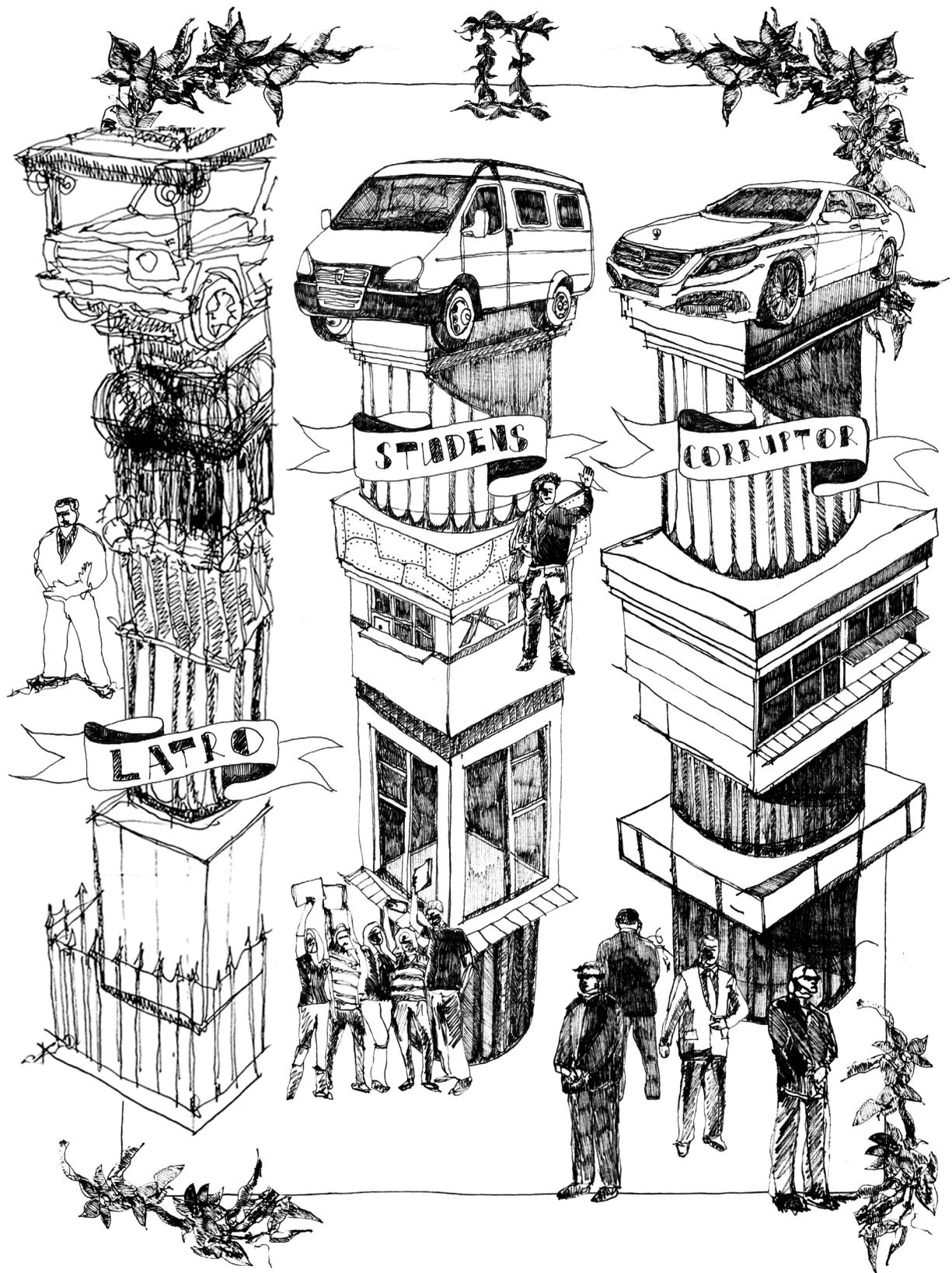

Рис.2. «Ордерные группы» (окончание)

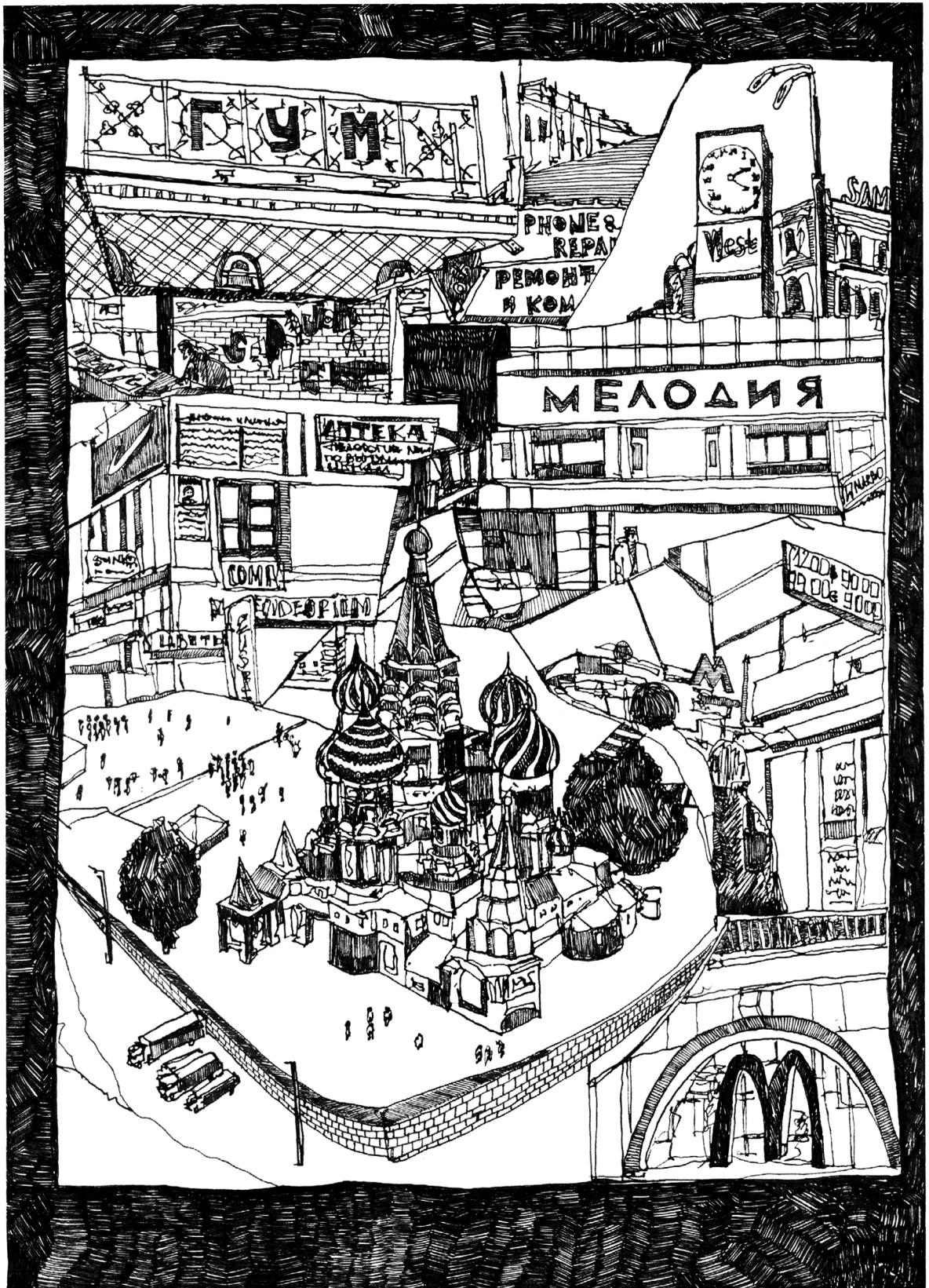

Рис.3. Городской дизайн в начале 90-х гг. XX столетия в России

Рис. 4. Реализация импортируемых образов в архитектурно-пространственном эквиваленте:
1 – интерьеры IKEA; 2 – героизация и монументализация захоронений; 3 – декоративная роскошь элиты

Описывая городские «ордерные группы», автор выделил и проиллюстрировал, по его мнению, наиболее яркие объединения (см. рис. 2), в то же время они заслуживают несколько более подробного разбора и конкретизации некоторых архитектурно-пространственных локаций, которые являются доминантными для этих групп, по отношению к остальной городской среде [23–25].

1. Легионер (от лат. *legionarius* – наёмник) – группа, представляющая преимущественно людей, связанных с военной эстетикой и службой в государственных военно-милицийских объединениях. В доминантные локации возможно включить: казармы, полигонные объекты, офисно-кабинетный дизайн, здания военных общежитий и военных городков (см. рис. 3).

2. Пожилые люди (от лат. *sensex* – пожилые люди) – группа, представляющая совокупность людей, которую зачастую классифицируют как пенсионеры или люди предпенсионного возраста. В доминантные локации возможно включить: ярмарочно-базарные пространства и рынки городов, эстетику и дизайн советских и постсоветских квартир (см. рис. 3).

3. Бродяги (от лат. *vagus* – бродяга) – социально-маргинализированный слой общества, зачастую представителями его выступают люди без определённого места жительства, уличные музыканты и артисты, попрошайки и беспризорики. В доминантные локации можно выделить: уличную эстетику, дизайн общественных мест по типу: вокзалов, рынков, стадионов, парков и прочих объектов, предполагающих большие скопления людей. Сочетая в себе противоречивые элементы, представители данной группы присоединяют к своему «ордеру» объекты, прямо противоположные по доступности вышеупомянутым, а именно: заброшенные здания, чердаки и подвалы, гаражные массивы, теплотрассы (см. рис. 3).

4. Бандит (от лат. *latro* – бандит) – данная группа не имеет конкретной локации, но как любая субкультура имеет свои предпосылки, одной из которых могут послужить: афганская и чеченские войны, ветераны которых, не сумев встроиться в мирную жизнь после войны, включились в эту ордерную группу. Данная субкультура выражает определённый набор знаков, символов и идеологии, которые определяют её дизайн; эти элементы внедряются в существующую архитектурную среду, тем самым трансформируя её под представителя данной ордерной группы (см. рис. 4).

5. Студенты (от лат. *studens* – студенты) – данная группа представляется студентами и учениками школ, являясь зачастую трендстерами новейших течений. Локации данной группы крайне разнообразны – от советского и постсоветского дизайна до современного минимализма и китча (см. рис. 4).

6. Коррупционер (от лат. *corruptor* – коррупционер) – данная ордерная группа представляется

в большей степени представителями VIP класса, которые являются импортёрами западноевропейских стандартов образа жизни и комфорта, стараясь отстраниться от бурно кипящей и пёстрой современной российской жизни, создают свои локации на периферии, обособливаясь от современной действительности.

Внимание привлекает тот факт, что в условиях феномена трайбализации между «ордерными группами» их представители создавали не только архетипизированные модели мест обитания, но и внедряли стилистические особенности в организацию и оформление мест захоронений представителей своих «ордеров». Отчасти прослеживается некоторая героизация личности и монументализация надгробий [5] (см. рис. 4).

Средовая замкнутость. Исследуя процессы и хронологию развития «ордерных групп», мы можем наблюдать оригинальную симптоматику, которая присуща данным группам, по мнению автора данной статьи, они носят следующие названия:

- кроссордерная динамика – движение незначительных символов и деталей между ордерными группами и заимствование определённых характерных черт для обретения более выраженного художественного образа;
- ордерное рекомбинирование – процесс встраивания и дополнения недостающих целостных элементов из близких родственных «ордерных групп». Описывая особенности «ордерных групп» и феномена ордерного трайбализма, мы можем наблюдать симптом, который едва заметен, но является, пожалуй, одним из важнейших, а именно средовая, а впоследствии и ордерная замкнутость.

Средовая замкнутость подразумевает набор предпосылок, которые не позволяют субъекту покинуть данную «ордерную группу» по своему желанию, тем самым делая его заложником определенного образа жизни и дизайна, который его сопровождает. Спектр этих предпосылок крайне широк – от экономических до психологических рисков и страха непринятия новой «ордерной группой» чужака. Средовая замкнутость не является симптомом, присутствующим каждому представителю «ордерных групп», но в своём большинстве коренным образом уменьшает право на свободу самоопределения и выбора жителей России.

Выводы. Осмысленные процессы, которые предшествовали и впоследствии спровоцировали формирования «ордерных групп» в Российской Федерации и привели к трайбализации между данными объединениями, автор полагает, что рассмотренное в статье явление будет присутствовать в российской действительности до тех пор, пока причины, которые были описаны выше, не будут

решены. Однако прослеживая хронологию данного явления, мы можем утверждать, что этот процесс не удастся полностью исключить из мировосприятия жителей России, скорее всего он «обнулится» к приходу очередной волны импортных образцов, которые по своему обыкновению вдохновят многих, разобшат некоторых и заставят задуматься единицы, но всем им придется встраиваться в совершенно новую парадигму мира, который, как показывает история, не стоит на месте и постоянно развивается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белковский С.А. [Персонально ваш/ [Электронный ресурс] <http://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1660118-echo/>(дата обращения: 01.11.2016).
2. Мяло К. Г. Время выбора: Молодежь и общество в поисках альтернативы. М.: Политиздат, 1991. 251 с.
3. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 90–98.
4. Гусев М.В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №5. С.112–115.
5. Блинова Е.К. Формы памяти. О композициях ордерных художественных надгробий исторических кладбищ Александро-Невской лавры // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 236–244.
6. Девятова Е.В. Беспризорность как социокультурное явление в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №28. С.89–92.
7. Макаренко В.П. Современный российский милитаризм // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 4. С. 6–20.
8. Ионин Л.П. Идентификация и инсценировка // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–4.
9. Витрувий М.П. Десять книг об архитектуре / пер. Ф.А. Петровского. М., 1936. Т. 1.
10. Большой Энциклопедический словарь. М., 2000. <http://www.vedu.ru/bigencdic/63537/> [Электронный ресурс] (дата обращения: 01.11.2016).
11. Роберт П. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С.3–12.
12. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. Т.3. С. 34.
13. Suttles G. D. The social order of the slum: Ethnicity and territory in the inner city. University of Chicago Press, 1968. P. 266.
14. Ching F.D. K. Architecture: Form, space, and order. John Wiley & Sons, 2014. P. 464.
15. Chambers I. Migrancy, culture, identity Routledge // London and New York. 1994. P. 154.
16. Caygill H. Walter Benjamin: The colour of experience. Psychology Press, 1998. P.163
17. Колеватых Д. А. Архетипы вчера и сегодня. Современные архетипы в российской архитектуре // Градостроительство и архитектура. 2015. № 3(20). С.31–40. DOI: 10.17673/Vestnik.2015.03.4
18. Михайлов С.М. Дизайн городской среды как вид синтетической деятельности. Исторический аспект // Дизайн ревью. 2009. № 1–4. С.10–28.
19. Lynch K. The image of the city MIT Press // Cambridge MA. 1960. P.208.
20. Allen J. Worlds within cities // City worlds. 1999. P. 53–98.
21. Иконников А.В. Художественный язык архитектуры. М.: Искусство, 1985. 176 с.
22. French R.A. The changing Russian urban landscape // Geography. 1983. P. 236–244.
23. Города для людей / Ян Гейл; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
24. Шубович С.А., Соловьева О.С., Панова Л.П. Введение в архитектурный мониторинг городской среды. М., 2009. 67 с.
25. Витюк Е.Ю. Городская среда как арт-объект // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С.43–48.

Об авторе:

КОЛЕВАТЫХ Дмитрий Алексеевич
аспирант кафедры градостроительства
Самарский государственный технический университет
Архитектурно-строительный институт
443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194,
тел. (846) 339-14-05
E-mail: eva2@mail.com

KOLEVATYKH Dmitry A.
Postgraduate Student of the Town Planning Chair
Samara State Technical University
Institute of Architecture and Civil Engineering
443001, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 194,
tel. (846) 339-14-05
E-mail: eva2@mail.com

Для цитирования: Колеватых Д.А. Архитектурный ордер и люди. Трайбализм и средовая замкнутость жителей России // Градостроительство и архитектура. 2017. Т.7, №2. С. 76-84. DOI: 10.17673/Vestnik.2017.02.12.
For citation: Kolevatykh D.A. Architectural order and people. Tribalism and environmental isolation of Russians // Urban Construction and Architecture. 2017. V.7, 2. Pp. 76-84. DOI: 10.17673/Vestnik.2017.02.12.